

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога прубяшь;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣпъ ужъ на коняхъ сидяпъ,
Борзья прыгаюпъ на сворахъ.
Выходипъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваешъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіеешъ.
Чекмень запынушый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ плапочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердишо смоприпъ изъ окна
На сборъ, на псарную прѣвогу.

Воптъ мужу подвели коня;
 Онъ холку хвапъ и въ спремя ногу,
 Кричишь женѣ: не жди меня!
 И выѣзжаешь на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
 Осенній вѣперъ, мѣлкій снѣгъ,
 Да вой волковъ. Но по-по счастье
 Охотнику! не зная нѣгъ,
 Въ опгѣзжемъ полѣ онъ гарцуешь,
 Вездѣ находишь свой ночлегъ,
 Бранился, мокнешь и пируешь
 Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаешь супруга,
 Одна въ опсуществіи супруга?
 Занятій мало ль ешь у ней?
 Грибы солишь, кормишь гусей,
 Заказываешь обѣдъ и ужинъ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглянушь.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣшишь что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ просто звалъ ее Напаша,
 Но мы — мы будемъ называть
 Напалья Павловна), къ несчастью,
 Напалья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственной часпью
 Не занималась, заплѣмъ,
 Чпо не въ опеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней опкрытъ чепвертый томъ
 Сенсиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей —
 Романъ классической, спаринной,
 Опмѣнно длинной, длинной, длинной,
 Нравоучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ заплѣй.

Напалья Павловна сначала
 Его внимательнo чпчала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею шихо занялась.
 Кругомъ мальчишки хохопали;
 Межь стѣмъ печально подъ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выпсупали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣспухомъ;
 Три упки полоскались въ лужѣ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣснпш на заборъ;
 Погода спановилась хуже:
 Казалось, снѣгъ нпшп хопѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кпо долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, топъ вѣрно знаешь самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальной
 Порой волнуешь сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдепъ запоздалой,
 Товарщъ юности удалой?...
 Ужъ не она ли?... Боже мой!

Вопъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Напалья Павловна къ балкону
 Бѣжитъ, обрадована звону,
 Глядитъ и видитъ: за рѣкой
 У мѣльницы коляска скачетъ,
 Вопъ на мосту — къ намъ почно... вѣтъ,
 Поворопила вѣво. Вслѣдъ
 Она глядитъ и чупъ не плачетъ.

Но вдругъ... о радость! косогоръ;
 Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
 Кто шамъ? скорѣй! Вопъ шамъ коляска:
 Сей часъ вези ее на дворъ
 И барина просишь обѣдать!
 Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
 Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжитъ.

Напалья Павловна спѣшитъ
 Взбѣитъ пышной локопъ, шаль накинушь,
 Задернушь завѣсъ, спулъ подвинушь,
 И ждешъ: да скоропъ, мой Творецъ!
 Вопъ фдушь, фдушь наконецъ.

Забрызганный въ дорогъ дальною,
 Опасно раненный, печальной
 Кой-какъ шащипся экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаешъ;
 Слуга-Французъ не унываетъ
 И говоритъ: allons, courage!
 Воптъ у крыльца; воптъ въ сѣни входящъ.
 Покажѣспъ барину пеперь
 Покой особенный опводятъ
 И насшежъ опворяютъ дверь,
 Пока Ricard шумиптъ, хлопчептъ,
 И баринъ одѣвашся хочептъ;
 Сказашъ ли вамъ, кѣпо онъ паковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промопалъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы.
 Себя казашъ, какъ чудный звѣрь,
 Въ Пепрополь ѣдепъ онъ пеперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилеповъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсеповъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнеповъ,
 Цвѣпныхъ плапковъ, чулковъ à joug,
 Съ ужасной книжкой Гизопа,
 Съ пепрадью злыхъ каррикапуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальперъ-Скопша,

Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Баранжера,
 Съ мопивами Россини, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужъ сполъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждетъ неперпѣливо;
 Дверь опворилась, входилъ графъ;
 Напалья Павловна, привспавъ,
 Освѣдомляешся учшиво,
 Каковъ онъ? чпо нога его?
 Графъ опвѣчаешъ: ничего.
 Идутъ за сполъ; вопъ онъ садилъся,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаешъ разговоръ:
 Свяпую Русь бранишъ, дивилъся,
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалѣешъ о Парижѣ спрахъ.
 «А чпо шеапръ?» — О! сиропѣешъ
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣешъ,
 И мамзель Марсъ, увы! спарѣешъ.
 За шо Попье, le grand Potier!

Онь славу прежнюю въ народѣ
 Донынѣ поддержалъ одинъ. —
 «Какой писапелъ нынче въ модѣ?»
 — Все d'Arglincourt и Ламаршинъ. —
 «У насъ имъ шакже подражаюпть.»
 — Нѣпть! право? шакъ у насъ умы
 Ужъ развивапсья начинаюпть.
 Дай Богъ, чпобъ просвѣпимись мы! —
 «Какъ шальи носяпть?» — Очень низко,
 Почши до... вопть по эпихъ поръ.
 Позвольте видѣпть вашъ уборъ;
 Такъ... рюши, банпты, здѣсь узоръ;
 Все эпо къ модѣ очень близко. —
 «Мы получаемъ Телеграфъ.»
 — Ага! хошпте ли послушапть
 Прелестный водевиль? — И графъ
 Поепть. «Да, графъ, извольте жъ кушапть.»
 — Я съпть и шакъ. —

Изъ-за стола

Вспаюпть. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;
 Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивпсья, какъ она мила.
 Проходипть вечеръ непримѣпно;

Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣпно,
 То вдругъ попумень безопвѣпно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ
 Давно хранишь слуга въ передней,
 Давно поспѣтъ пѣпухъ сосѣднй,
 Въ чугууну доску спорожь бьептъ;
 Въ госпнной свѣчки догорѣли.
 Напалья Павловна вспаептъ:
 Пора, процайше! ждуптъ поспели.
 Пряпный сонъ! . . . Съ досадой вспавъ,
 Полулюбленный пѣжный графъ
 Цѣлуептъ руку ей. И чпо же?
 Куда кокетспиво не ведептъ?
 Проказница — проспи ей, Боже! —
 Тихонько графу руку жмептъ.

Напалья Павловна раздѣпа;
 Споиптъ Параша передъ ней.
 Друзья мои! Параша эпа
 Наперсница ея запѣй:
 Шьептъ, моептъ, вѣспи переносиптъ,
 Изношенныхъ капоповъ просиптъ,
 Порою барина смѣшиптъ,

Порой на барина кричишь,
 И лжетъ предъ барыней опважно.
 Теперь она полкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаешь ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдашь какъ успѣла.
 Но Госпожа ей наконецъ
 Сказала: полно, надоѣла!
 Спросила кофшу и чепецъ,
 Легла и выпши вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между пѣмъ
 И графъ раздѣшь уже совсѣмъ.
 Ложнпся онъ, сигару просишь,
 Monsieur Picard ему приносишь
 Графинъ, серебряной спаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣпильникъ,
 Щищы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный романъ.

Въ поспелѣ лежа, Вальперъ-Скопши
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но графъ душевно размеченъ:
 Неутомонная забопа

Его превозмощь; мыслишь онъ:
 Не ужъ-то вправду я влюбленъ?
 Чшо если можно? . . . вопшь забавно;
 Однакожь вто было бь славно;
 Я, кажешся, хозяйкѣ милъ —
 И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
 Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
 И дразнитъ грѣшною мечпой
 Въ немъ чувствва. Пылкой нашъ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно круглый, полный спанъ,
 Пріятный голосъ, прямо женскій,
 Лице румянецъ деревенскій —
 Здоровье краше всѣхъ румянъ.
 Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
 Онъ помнитъ, почно, почно шакъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ бы оспашься съ нею,
 Ловитъ минувшую запѣю.
 Но время не ушло: теперь

Ч. II.

Отворена конечно дверь —
 И топчась, на плеча накинувъ
 Свой пестрый шелковый халапъ
 И спулъ въ попемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладоспныхъ наградъ,
 Къ Лукреціи Тарквиній новый
 Отправился на все гошовый.

Такъ иногда лукавый коптъ,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадепся съ лежанки:
 Украдкой медленно идепъ,
 Полузажмурясь подспунаепъ,
 Свернепся въ комъ, хвостомъ играепъ,
 Разинепъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ попемкахъ бродипъ,
 Дорогу оцупью находипъ,
 Желаньемъ пламеннымъ помимъ,
 Едва дыханье переводипъ,
 Трепещепъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскришипъ. Волгъ онъ подходипъ
 Къ завѣшной двери и слегка

Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь тихо, тихо опускаетъ;
 Онъ смопритъ: лампа чуть горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ;
 Хозяика мирно почиваетъ,
 Иль припворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, ищетъ, опускаетъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
 Она... Теперь съ ихъ позволенья
 Прошу я Петербургскихъ дамъ
 Представитъ ужасъ пробужденья
 Нашали Павловны моей
 И разрѣшивъ, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 Ей сыплетъ чувствва вышисныя
 И дерзновенною рукой
 Уже руки ея коснулся...
 Но тушь опомилась она;
 Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
 И честной гордости полна,
 А впрочемъ, можетъ быть, и страха,

*

Она Тарквинію съ размаха
Даеть пощечину, да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ опть спыда,
Обиду проглотивъ пакую;
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадою спрашною пылая,
Но шпигъ космапый, вдругъ залая,
Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку
И проклиная свой ночлегъ
И своенравную красопку,
Въ послѣдній обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводяпть оспальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поушпру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣвиво,
Опдѣлкой розовыхъ ногпей
Зѣвая занялся небрежно,

И галспукъ вяжетъ непримѣжно,
 И мокрой щепкою своей
 Не гладитъ сприженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
 Но вопъ его позвали къ чаю.
 Чпо дѣлашь? Графъ, преодолевъ
 Неловкой спыдъ и пайный гнѣвъ,
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый попуя взоръ
 И губки алыя кусая,
 Заводитъ скромно разговоръ
 О помъ, о семъ. Сперва смущенный,
 Но поспешенно ободренный,
 Съ улыбкой опвѣчаетъ онъ.
 Получаса не прошло,
 Ужъ онъ и щупитъ очень мило
 И чупъ ли снова не влюблѣнъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входящъ. Кпо же?
 «Напаша, здравствуй.»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вопъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинь. —

«Радъ сердечно я.

Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ гопповый экипажъ.
 Напаша! памъ у огорода
 Мы заправили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу опвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать!
 — Не знаю, право, я спѣшу. —
 И, полно, графъ, я васъ прошу.
 Жена и я, госпямъ мы рады.
 Нѣтъ, графъ, оспаньшесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
 Упрямылся печальный графъ.
 Ужъ подкрѣпивъ себя спаканомъ,
 Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
 Ужъ къ коляскѣ двое слугъ
 Несутъ привинчивають сундукъ.
 Къ крыльцу подвезена коляска,
 Пикарь все скоро уложилъ,
 И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
 Могла бы кончиться, друзья;
 Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадашь вамъ. — Почемужъ?
Мужъ? — Какъ не шакъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень эшимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокосось; что если шакъ,
То графа онъ визжать заставилъ,
Что псами онъ его заправилъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати прехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.
